

Субъективное представление оппозиционных содержаний: модели снятия противоречия

С. Л. Блинникова

аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье описаны три типа моделей присутствия в структуре представлений оппозиционных друг другу содержаний, различающихся механизмом снятия противоречия, когда обе стороны оппозиции сохраняют свою правильность и активность в познании и деятельности индивида. Структура представлений современного западного индивида выходит за пределы аристотелевской логики и больше соответствует диалектическим принципам. Любое представление может быть оценено по степени диалектичности с помощью двух параметров: организовано ли представление вокруг оппозиционной категории и обладает ли оно особенностями, возникающими при диалектическом снятии противоречия с сохранением самостоятельности и значимости обеих оппозиций.

Ключевые слова: субъективные представления, репрезентации, противоположности, оппозиции, антиномии, противоречие, рациональность / иррациональность, диалектика.

Важной характеристикой психического является оппозиционность его содержаний или компонентов (К. Юнг, Э. Фромм, Р. Мэй). Выделение именно этого аспекта исходит из философии (концепции Гераклита, Аристотеля и Гегеля). При рассмотрении оппозиционных содержаний неотъемлемо возникает вопрос о том, в каких отношениях могут находиться противоположности. Одним из возможных и часто предполагаемых является отношение противоречия, перерастающее в конфликт. Однако внутри субъективных представлений оппозиционные психические содержания могут сосуществовать без противоречия, что обусловлено наличием определенных психологических механизмов. Эти механизмы различаются по месту в общей системе представлений и по принципу, лежащему в основе разрешения (или недопущения) противоречия. Снятие противоречия может осуществляться как на уровне всей системы представлений индивида [5; 6; 9], так и в ее подсистеме [7; 8; 10; 11; 12]. Принципиально противоречие может разрешаться, во-первых, размещением противоположных содержаний в различных областях, или «модулях», психики или сознания, отличающихся принципами работы с информацией, одни из которых допускают сосуществование оппозиций, а другие нет [5; 6]; во-вторых, путем согласования оппозиций внутри конкретных представлений о явлениях мира за счет «наращивания» каждого из них на основу в виде полярной оппозиции [11; 12]; в-третьих, за счет определенного изменения структурных связей в системе представлений или в ее подсистемах [9]. Эти механизмы не исключают друг друга и могут работать вместе.

Существует несколько уровней субъективных представлений: от репрезентаций конкретных явлений или объектов действительности до более общих и более стабильных принципов, отражающих «филосо-

фию» индивида (называемых схемами, фреймами, моделями мира и т. д.). Первые из них являются результатом взаимодействия получаемого опыта и принципов интерпретации информации, отражающих определенную трактовку устройства мира в целом. Следуя за Л. С. Выготским [1], можно сказать, что формирование субъективных представлений *опосредовано* этими принципами интерпретации информации. Одним из аспектов такой индивидуальной философии является рационалистическая (логическая) трактовка явлений в мире или противостоящая ей иррациональная (диалектическая)*. Рационально-логическая трактовка явлений и соответствующий ей способ мышления подчинены законам аристотелевской логики (законы тождественности, не-противоречия и исключенного третьего). Напротив, иррациональная, или диалектическая, трактовка основана на принципах изменения (все изменяется), противоречия (противоречия существуют во всем) и целостности (все в мире связано), как они представлены в работах, посвященных диалектическому мышлению [13; 14]. Принцип отсутствия противоречия, заключающийся в отрицании для объекта возможности обладания противоположными друг другу качествами, — основной для рационального подхода к миру. Наиболее существенное различие двух описываемых трактовок реальности состоит именно в наличии или отсутствии этого принципа, т. е. в обращении субъекта с противоположными (оппозиционными) содержаниями.

Эти способы обращения с оппозиционными содержаниями культурно специфичны, культурно обусловлены, их источники лежат в культуре. Так, мышление современного западного человека отличается от мышления людей, живущих в культурной среде, соответствующей культурам, существовавшим в древности, на-

* В данном тексте слова «рациональное» и «логическое», а также «иррациональное» и «диалектическое» употребляются как синонимы. Однако так делается не всегда, например, когда говорят о логическом и диалектическом способах мышления, то оба их называют рациональными, видимо, в силу того, что речь идет о мышлении.

зываемого пралогическим, описанного Л. Леви-Брюлем и К. Леви-Стросом [3; 4]. Первое, логическое, не допускает противоречия, а последнее, «до-логическое», не чувствительно к противоречию и действует согласно принципу партиципации. Пралогическое мышление просто не замечает противоречия. Мышление и способ представления реальности современного западного человека также отличается от способа мышления и представления, присущего современному человеку восточной культуры. Последние обладают диалектическим мышлением, при котором противоречие, в отличие от пралогического мышления, обнаруживается, но оно воспринимается как нормальное состояние, не требующее однозначного принятия одной его стороны и не переменного отвержения другой [13; 14]. Таким образом, можно говорить о культурной обусловленности принципов, руководящих мышлением; мышление и сознательные представления различаются в зависимости от типа культуры, к которой принадлежит индивид.

Исходя из культурной специфики, современный западный индивид представляется сугубо рациональным, логическим существом, все мышление и сознание которого подчинено законам логики Аристотеля. В таком случае наличие оппозиционных представлений неизбежно должно приводить к противоречию, требующему избрания только одной альтернативы. Но, как показали исследования Е. В. Субботского, современный человек не столь рационален и «развитие науки и технологии, а также общая рационализация культуры затрагивают только поверхностные слои сознания индивидов, живущих в этой культуре» [5, с. 97]. При этом с самого начала развития психологического знания в недрах философских концепций сознанию приписывалась рациональность, «сознание человека стало рассматриваться как «органически-рациональный конструкт», что было ошибкой, и «современный западный индивид не является исключительно рациональным существом» [там же, с. 90]. Хотя сознание трактовалось как исключительно рациональное, в реальной психической жизни человека широко представлена как раз иррациональность, о чем свидетельствуют такие проявления, как вера в сверхъестественные явления, спрос на иллюзию в форме развлекательной литературы и кино, телевидения и компьютерных игр [там же]. Кроме этого, в качестве проявлений иррациональности могут быть названы феномены амбивалентности и рассогласованности различных содержаний. Обычно приводится описание самих феноменов и способов их измерения, и только очень небольшое число психологических исследований посвящено изучению обращения индивида с противоречивыми психическими содержаниями, где демонстрируются способы снятия противоречия с сохранением правильности и значимости для субъекта обоих оппозиционных содержаний.

Исследователи, занимающиеся этой проблемой, приходят к выводу, что, действительно, даже представители современной западной культуры не мыслят и не строят представления по строго логическим принципам. При этом существует несколько моделей субъективного обращения с противоречивыми содержаниями, которое сохраняет обе стороны оппозиции, но без конфликта между ними. Эти модели основаны на различных подходах к вопросу о месте возможного разрешения противоречия и способам его снятия. «Места-

ми» пересмотра отношений оппозиций друг с другом могут быть как конкретные репрезентации явлений, так и представления, составляющие субъективную философию индивида, а также психика в целом.

Один из таких подходов связан с выделением в психике изолированных друг от друга сфер или модулей, характеризующихся разными принципами обращения с противоречивыми содержаниями. Рациональные и иррациональные принципы оказываются господствующими в разных сферах.

В модели Е. В. Субботского разделяются рациональный и феноменальный пласты сознания, а логичность приписывается исключительно рациональному слою, содержащему отвлеченные знания. В рациональном слое происходит подтягивание уровня знания, рассуждения к пределу, заложенному образованием, тогда как в феноменальном слое выделяются две сферы реальности: «обыденная реальность» и «необыденная» [5], которые можно назвать двумя различными индивидуальными философскими концепциями мира. В модели индивидуального сознания Е. В. Субботского «обыденная реальность» и «необыденная» сферы реальности сосуществуют друг с другом [5]. Модель *сосуществование* противопоставляется модели *замещения* одной сферы другой в процессе развития (предположительно иррациональная сфера необыденной реальности полностью замещается рациональной сферой обыденной реальности). Так, «индивидуальное сознание развивается не по линии “смены стадий”, а по линии дифференциации сфер и их иерархизации по статусам бытия», и «эта дифференциация осуществляется с разной скоростью на уровне вовлеченного и невовлеченного поведения, в связи с чем ребенок (как и взрослый) может одновременно опираться на нормы необыденной и обыденной реальности при освоении одного и того же феномена» [там же, с. 100].

Таким образом, в данной модели «сознание на всех уровнях онтогенеза...представляет собой неоднородное плюралистическое целое, в котором сосуществуют обыденная и необыденная реальности» [там же, с. 94]. Тем самым в этой модели, во-первых, фиксируется факт присутствия в сознании взрослого человека по крайней мере двух различных (а скорее даже противоположных друг другу) моделей мира, а во-вторых, они постулируются сосуществующими, но не взаимодействующими и не влияющими друг на друга, находящимися в различных областях или сферах сознания.

В другой модели, работающей с тем, как могут быть представлены в сознании противоположные вещи, также производится выделение нескольких слоев сознания, различающихся по способам и возможности представления противоречия. Модель Е. В. Улыбиной исходит из выделения таких уровней сознания, как бессознательное, обыденное сознание и рациональный уровень рефлексивного сознания. На каждом из этих уровней образ мира обладает специфическими особенностями [6]. Значит, у одного человека есть несколько образов мира или несколько модулей образа мира или, словами Е. В. Улыбиной, систем репрезентаций, каждый со своими закономерностями функционирования находящимся там представлений или компонентов опыта, попадающих туда, — вообще любых содержаний.

На уровне бессознательного, уровне мифа особенность образа мира состоит в том, что содержания принципиально амбивалентны и возможность существования противоречия исключена. Оно просто не возникает, так как нет тенденции разделения различных содержаний и поиска отличий их друг от друга. Неотъемлемым свойством содержаний этого уровня является их слитность, неразделимость. Амбивалентность возникает как одновременное существование противоположностей разного рода (когнитивных, аффективных и т. д.) [6].

Содержания на уровне обыденного сознания (общественного сознания, разделяемого большой группой людей) обладают внутренней противоречивостью, иррациональностью. Здесь происходит расщепление первоначального единства мира и совмещение противоположностей («и то и другое одновременно»). Противоположности не являются несовместимыми, есть стремление игнорировать несовместимость [там же].

На уровне рационального, рефлексивного сознания присутствует ориентация на однозначность: противоположности осознаются как несовместимые (либо то либо другое). Проявляется стремление к построению непротиворечивой картины мира, требующее выбора одной из оппозиций в качестве истинной и исключения противоположной ей как ложной.

Каждому из выделяемых уровней приписываются свои функции. Мифологический и рациональный уровни призваны снимать противоречия, а в функции обыденного сознания входит расщепление амбивалентных образов бессознательного и фиксации противоположностей, обеспечение контактов двух других уровней и личной автономии без потери связи с социумом [там же].

Амбивалентные представления существуют на уровне бессознательного, а однозначные — на уровне рационального сознания. На этих уровнях противоречия нет. Оно возможно на уровне обыденного сознания, где находятся социальные представления. Здесь невозможна амбивалентность, но возможна высокая и *нерефлексируемая* терпимость к противоречиям. Социальные представления принципиально диалогичны, в отличие от однозначных уровней бессознательного и рационального сознания. В обыденном сознании невозможно единственно правильное понимание объекта или феномена, диалогичность выступает как возможность дальнейшего развития и кардинального изменения этого понимания [там же].

Таким образом, и Е. В. Субботский и Е. В. Улыбина выделяют различные сферы в психике, в которых информация обрабатывается согласно либо рациональным, либо иррациональным принципам. Причем эти сферы сосуществуют в психике каждого индивида, т. е. он может пользоваться обоими этими способами.

В отличие от такой модели, в теории социальных репрезентаций С. Московиси иррациональные принципы внесены в саму структуру репрезентации. Социальные репрезентации определяются И. Марковой как «...относительные и динамичные структуры простого знания и языка...» [11, с. 430] или как «...диалогично определенные структуры знания здравого смысла и языка» [там же, с. 455].

В теории социальных репрезентаций С. Московиси и И. Марковой подчеркивается роль оппозиционных, антиномичных и комплементарных категорий в фор-

мировании репрезентаций. В качестве основной начальной точки для генерации социальных репрезентаций вводятся темы (*themata*), содержащие в себе оппозиционные категории. Темы называют «культурно распространенные примитивные предпонятия, образы и предкатегории», или таксономии [там же, с. 442]. Так как речь идет о *социальных* репрезентациях, то в качестве тем рассматриваются оппозиционные категории, которые в процессе истории проблематизируются, вносятся в фокус общественного внимания, хотя потенциально ими могут стать любые антиномичные категории. Например, способность пересаживать органы одного человека другому проблематизировала таксономию жизни и смерти, и через общественную дискуссию развивалась социальная репрезентация в отношении донорства и трансплантации органов [12].

Кроме оппозиционности категорий, составляющих основу репрезентаций, последователи теории социальных репрезентаций подчеркивают их динамичность и предрасположенность к согласованию, примирению противоречия [там же]. Противоречия в репрезентации исходят от самой их структуры — диалогических таксономий, которые связаны с тем, что феномены запечатлеваются в социальном мышлении вместе со своими относительными антиномиями [11].

Принципиальная оппозиционность, антиномичность категорий, являющихся основой репрезентации, возникает под влиянием культуры, так как социальные репрезентации формируются в результате имплицитного усвоения человеком в процессе социализации мышления в оппозициях и антиномиях [там же, с. 446]. Таким образом, структурные и функциональные особенности репрезентации, выраженные в наличии антиномичной категории в основе и диалогическом изменении в процессе функционирования, представлены как результат культурного влияния. В таком случае культура транслирует индивиду не рационалистическую эпистемологию, а диалектическую. И это современная западная культура, влияние которой обычно описывается как рационализирующее.

В рамках теории социальных репрезентаций решался вопрос о том, включено ли противоречие в структуру самой репрезентации или оно характеризует отношения различных репрезентаций между собой. Г. Молони, Р. Холл и Л. Уолкер на материале представления о донорстве и трансплантации органов определяли, является ли это одной социальной репрезентацией с противоречивым составом или же это две однородные внутри себя, но противоречивые между собой репрезентации. Две описанные точки зрения на структуру репрезентации противоречат друг другу, так как в ядре, понимаемом и диагностируемом как стабильное, невозможно выделять нормативные и функциональные элементы как независимые и зависимые от контекста.

В результате такого исследования, включавшего определение центральных элементов репрезентации (задачи на словесные ассоциации) и активацию-деактивацию функционального измерения ядра в соответствии с контекстом (оценки сценариев по шкалам), наблюдалось дифференцированное движение центральных элементов внутри структурной стабильности ядра, что удовлетворяет обе рассмотренные точки зрения [12].

Рассмотрение сохранения противоречия внутри социальной репрезентации и его роли позволяет более целостно взглянуть на социальное мышление и уводит от представления, что социальное мышление линейно и рационально, предоставляя возможность понимать социальную мысль, определяющую большую часть социального знания как нелинейную и комплексную [там же]. Таким образом, в более широком контексте представления индивида и его мышление можно рассматривать как организованные по нелинейным, иррациональным принципам.

В представленной нами модели обращения с противоречием, выдвинутой в рамках теории социальных репрезентаций, противоречие и его снятие без отвержения одной из сторон помещено на уровне конкретных репрезентаций и, более того, служит основой структуры и функционирования репрезентации.

Косвенным свидетельством в пользу подхода, помещающего противоречие и его снятие в единое представление, является утверждение возможного рассогласования различных компонентов одной установки и возможной амбивалентности как между компонентами установки, так и внутри них в качестве важного аспекта структуры установок [10].

Г. Херманс также подчеркивает роль синтеза оппозиций в едином представлении, используя в качестве материала в своем исследовании ценностные переживания (valuations) индивидов [8]. Его респондентам удавалось формировать из оппозиционных по своим эмоциональным характеристикам собственных ценностных переживаний новые, которые бы объединяли первоначальные. При этом синтезированные ценностные переживания не повторяли ни паттерн эмоциональных оценок одного из изначальных, ни их усредненный паттерн и были значимы для испытуемых [8]. То есть интегративные переживания объединяли в себе противоположные содержания.

Следующая модель снятия противоречия и интеграции первоначально кажущихся исключаящими друг друга оппозиций основана на структурных связях в системе индивидуальных представлений.

В теории личностных конструктов Дж. Келли антиномичность и оппозиционность субъективных представлений предполагается имплицитно. Все когнитивные конструкты, кирпичики системы представлений рассматриваются как биполярные, являющиеся антонимичной парой характеристик каких-либо объектов [2]. Рассмотрение человека как системы организованных дуальностей (конструктов) закладывает возможность внезапного изменения на противоположное для личности каждого. Так, например, в обычной жизни психически здоровые индивиды испытывают внезапные смены социальных ролей, но без ощущения фрагментации (несвязности, разорванности своих представлений). Пейдж и Лэндфилд выяснили, что такое положение дел не приводит к фрагментации, так как люди способны конструировать самих себя и как меняющихся и как стабильных (для этого они использовали тест репертуарных решеток, модифицированный для извлечения только self-ориентированных конструктов, заполнявшийся испытуемыми ежедневно). Это происходит за счет заключения несовместимых утверждений о себе в более широкие, более проницаемые и обобщен-

ные представления о самих себе. Преодоление противоречия оппозиционных представлений достигается за счет изменения структурных отношений в системе — за счет интегрирующих суперординатных (superordinate) конструктов, находящихся в иерархии выше субординатных (subordinate), на уровне которых наблюдаются противоположные утверждения [9]. Эти структуры большей проницаемости могут делать поправку на вариации и изменения в системе конструктов.

При отсутствии такого снятия противоречия с помощью изменения структурных отношений возникают феномены фрагментированности в системе конструктов, что проявляется как использование индивидом различных и несравнимых субсистем конструктов [там же]. Противоречие содержаний «решается» тогда субъектом путем разведения их по разным областям общей системы представлений. Выделяются не принципиально разные по структуре представления области сознания, а одна общая система конструктов индивида, которая делится на секции, функционирующие отдельно друг от друга, что позволяет избежать их противостояния. Но в итоге возникшая фрагментированность может быть снята посредством изменения отношений в системе.

Существует несколько форм фрагментированности. *Первая форма* (реверсии выбора) описывает ситуацию, когда индивид переходит от предпочтения одного полюса конструкта в одном контексте к предпочтению ему противоположного в другом (то один то другой полюс приобретает для него позитивную валентность). *Вторая форма* фрагментации, также как и первая, касается единичного конструкта и возникает при несвязанности между собой трех его компонентов: чувствования (переживаний субъекта в данный момент), оценивания (наилучшее, к чему субъект стремится в данной теме) и поведения (поведение человека, которого можно отнести к данному полюсу данного конструкта). *Третья форма* фрагментации сходна с первой по структуре. Она заключается в дисгармонии между субсистемами, или кластерами, конструктов. В различных контекстах или обстоятельствах человек фокусируется то на одной субсистеме, или кластере, то на другой. Каждый кластер соответствует определенному контексту, учитывая, что человек исполняет различные социальные роли в различной обстановке, например, один и тот же человек ведет себя по-разному: как военный, на вечеринке и как любящий отец [9]. Кроме этих трех форм, фрагментированность может проявляться еще как наделение одного из полюсов конструкта позитивной валентностью и восприятие этого полюса и как того, к чему надо стремиться, и как того, к чему стремиться не надо, или как отрицание человеком важности какого-либо реально используемого им конструкта. Например, человек оценивает людей по конструкту «умный — глупый», а к самому себе считает его неприменимым. Помимо этого, фрагментированностью считают несовместимость полюсов конструкта. Например, используя конструкт «помощь другим — помощь только себе», человек считает эти две социальные роли абсолютно несовместимыми [там же]. Так, состояние системы конструктов, где есть противоречия и постоянные переходы между противоположными качествами (полюсами конструкта), описывается как фрагментированность. Это состояние несовместимости противополо-

ложных представлений снимается при изменении отношений между конструктами в их иерархии, при котором сохраняются обе стороны противоречия.

Промежуточную позицию между теорией социальных репрезентаций и теорией личностных конструктов по обсуждаемому вопросу занимает работа Е. Фолди, выполненная на материале представлений о гендере [7]. Эта модель развития противоречия отличается от модели теории социальных репрезентаций. Наличие противоположных друг другу представлений описывается Е. Фолди не в качестве основополагающего компонента, а как артефакт, хотя и нередкий. Оппозиционные представления изначально помещаются в различные компоненты, называемые схемами. Противоположными друг другу оказываются структуры индивидуального знания или «ментальные шаблоны», участвующие в осмыслении поступающей информации [там же]. Подчеркнем, что компоненты, в которых находятся оппозиционные содержания, отделены друг от друга и представляют собой не репрезентации конкретных явлений, а некоторые обобщения предшествующего опыта, компоненты своего рода индивидуальной философии, что приближает ее к теории личностных конструктов по месту возникновения противоречия в структуре индивидуальных представлений.

Такие оппозиционные схемы интерпретации информации присутствуют только у некоторых людей, и у части из тех, у кого есть эти схемы, они могут быть диалектически переосмыслены. В исследовании Е. Фолди это продемонстрировано на материале двух конкурирующих гендерных схем. Одна из них состояла в убеждении, что мужчины больше ориентированы на задачу, а женщины на отношения в условиях работы в организациях. Вторая заключалась в убеждении, что ни мужчины, ни женщины не ориентированы на задачу или отношения в большей степени, чем представители противоположного пола. Процесс диалектического осмысления начинался с выхода на первый план различающей схемы (так как она подкрепляется популярными стереотипами), затем идет обнаружение противоречия и утверждение схемы сходства, и после этого приходит понимание, что адекватность той или иной схемы в конкретном случае определяется также контекстными факторами (например, культура организации, иерархический уровень и т. д.), т. е. каждая из них применима, но не во всех случаях [там же]. В результате появлялась более проникаемая и обобщающая (в терминах теории личностных конструктов) схема.

Отличие от модели теории социальных репрезентаций состоит в том, что диалектическая синтетическая схема интерпретации в этой модели создается на основе интеграции двух оппозиционных схем, а не в силу изначальной антиномичной основы репрезентации. Кроме того, создание такой схемы — только один из возможных путей обращения с оппозиционными схемами, не являющийся обязательным. Тем не менее эти позиции сходны в том, что снятие противоречия оппозиционных содержаний происходит внутри единого представления, будь это схема интерпретации или репрезентация. Однако это конечное единое представление все-таки не поглощает до конца исходные схемы, которые продолжают существовать относительно самостоятельно, составляя структуру обобщающего их представления.

Таким образом, есть несколько моделей, описывающих обращение с противоположными, потенциально противоречивыми содержаниями в субъективных представлениях индивида. *Первый подход* состоит в разделении психики (сознания) на зоны, отличающиеся принципами работы с информацией, которые касаются, кроме прочего, возможности интеграции противоречивых содержаний. В одних зонах противоположные содержания могут существовать и взаимодействовать по диалектическим принципам, а в других непременно одна из оппозиций должна быть признана истинной, а другая — отвергнутой. *Второй подход* заключается во введении оппозиционности содержаний в саму структуру представлений в качестве ее неотъемлемого компонента. *Третий подход* считает возможным снятие противоречия в представлениях более конкретного уровня за счет интеграции оппозиционных содержаний на более обобщенных уровнях системы представлений, т. е. посредством изменения структурных отношений компонентов системы представлений.

Выделенные подходы не являются абсолютно взаимоисключающими, так как ни в одном из них категорически не отвергается возможность обращения с противоречием, представленная в других.

Рассмотрев изложенные подходы, мы полагаем, что полностью рациональных (подчиненных законам формальной логики) представлений в норме не существует, а стремление к ним не способствует психологическому благополучию, так как идет вразрез с утверждением об обязательном наличии в сознании вкраплений иррациональности, освещаемом в работах о структуре сознания [5; 6]. Любое субъективное представление содержит частицу противоречивой информации (наряду с одной точкой зрения, противоположную ей), хотя в кросскультурных исследованиях [13; 14; 3; 4] и подчеркивается преобладание рационалистичности (в смысле соответствия формальной логике) мышления у представителей западной культуры по сравнению с воспитанниками первобытных и современных восточных культур.

В качестве основных параметров оценки представлений, с точки зрения присутствия в них противоположной информации, мы выделяем организацию представления вокруг оппозиционной категории и структурные особенности, являющиеся следствием диалектического снятия противоречия. Первый из них акцентируется в теории социальных репрезентаций [11], а второй вводится в качестве основного в работах, посвященных диалектическому осмыслению [13; 14; 7; 8].

Представления различаются по уровню обобщенности. Они могут варьироваться от репрезентаций конкретного материала (например, представления конкретных знакомых) до утверждений, составляющих субъективную модель, или образ мира (суждения о мире в целом). Содержание и структурные особенности представления любого уровня могут изменяться со временем. В процессе структурных изменений важны системные связи представлений различных уровней, значимость которых подчеркивается в теории личностных конструктов [2; 9]. Однако по мере охватывания представлениями более высокого иерархического уровня остальных в более слаженное единство указанные выше структурные пара-

метры внедряются в конкретные репрезентации и становятся образующими их собственное строение. Мы утверждаем это, основываясь на положении об антиномичной и диалектической основе репрезентаций [11] и возможности снятия противоречия с по-

мощью изменения системных связей представлений [9; 7]. Тем самым, представления любого уровня обобщенности могут быть оценены по критерию присутствия диалектического осмысления содержания, которое включает оппозиционные положения.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 4.
2. *Келли Дж.* Теория личности: психология личностных конструктов. СПб., 2000.
3. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
4. *Леви-Строс К.* Печальные тропики. М., 1984.
5. *Субботский Е. В.* Развитие индивидуального сознания как предмет исследования экспериментальной психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4.
6. *Улыбина Е. В.* Обыденное сознание: продуктивность противоречий в развитии сознания // Мир психологии. 1999. № 1.
7. *Foldy E. G.* Dueling schemata: dialectical sensemaking about gender // The journal of applied behavioral science. 2006. Vol. 42. № 3.
8. *Hermans H.* Moving opposites in the self // Journal of analytical psychology. 1993. Vol. 38. Issue 4.
9. *Landfield A. W.* A construction of fragmentation and unity: the fragmentation corollary // The Construing Person / Ed. by Mancuso J. C., Adams-Webber J. R. N. Y.: Praeger, 1982.
10. *Maio G. R., Esses V. M., Bell D. W.* Examining conflict between components of attitudes: ambivalence and inconsistency are distinct constructs // Canadian journal of behavioral science. 2000. Vol. 32. № 1.
11. *Markova I.* Amedee or how to get rid of it: social representations from a dialogical perspective // Culture and psychology. 2000. Vol. 6. № 4.
12. *Moloney G., Hall R., Walker L.* Social representations and themata: the construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation // British journal of social psychology. 2005. Vol. 44. Issue 3.
13. *Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: holistic vs. analytic cognition // Psychological review. 2001. Vol. 108.
14. *Peng K., Nisbett R. E.* Culture, dialecticism, and reasoning about contradiction // American Psychologist. 1999. Vol. 54.

Subjective representation of oppositional contents: models of resolving contradictions

S. L. Blinnikova

Ph. D. student, General Psychology Chair, Department of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University

The article describes three models of contents opposing to each other present in the structure of representations, when both opposing sides maintain their accuracy and activity in the person's cognition and activity, but different in the mechanism resolving the contradiction. The representations structure of a modern western individual exceeds the bounds of Aristotelian logic and corresponds more with dialectical principles. Any idea (notion) can be assessed by its level of dialectics with the help of two parameters: is the representation organized around oppositional category and does it have peculiarities that occur with dialectical resolving the contradiction reserving independence and meaning of both oppositions.

Keywords: subjective presentations, representations, contrasts, oppositions, antinomies, contradictions, rationality / irrationality, dialectics.

References

1. *Vygotskii L. S.* Problema kul'turnogo razvitiya rebenka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1991. № 4.
2. *Kelli Dzh.* Teoriya lichnosti: psihologiya lichnostnykh konstruktov. SPb., 2000.
3. *Levi-Stros K.* Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
4. *Levi-Stros K.* Pechal'nye tropiki. M., 1984.
5. *Subbotskii E. V.* Razvitie individual'nogo soznaniya kak predmet issledovaniya eksperimental'noi psihologii // Psihologicheskii zhurnal. 2002. T. 23. № 4.
6. *Ulybina E. V.* Obydennoe soznanie: produktivnost' protivorechii v razvitiu soznaniya // Mir psihologii. 1999. № 1.
7. *Foldy E. G.* Dueling schemata: dialectical sensemaking about gender // The journal of applied behavioral science. 2006. Vol. 42. № 3.
8. *Hermans H.* Moving opposites in the self // Journal of analytical psychology. 1993. Vol. 38. Issue 4.
9. *Landfield A. W.* A construction of fragmentation and unity: the fragmentation corollary // The Construing Person / Ed. by Mancuso J. C., Adams-Webber J. R. N. Y.: Praeger, 1982.
10. *Maio G. R., Esses V. M., Bell D. W.* Examining conflict between components of attitudes: ambivalence and inconsistency are distinct constructs // Canadian journal of behavioral science. 2000. Vol. 32. № 1.
11. *Markova I.* Amedee or how to get rid of it: social representations from a dialogical perspective // Culture and psychology. 2000. Vol. 6. № 4.
12. *Moloney G., Hall R., Walker L.* Social representations and themata: the construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation // British journal of social psychology. 2005. Vol. 44. Issue 3.
13. *Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: holistic vs. analytic cognition // Psychological review. 2001. Vol. 108.
14. *Peng K., Nisbett R. E.* Culture, dialecticism, and reasoning about contradiction // American Psychologist. 1999. Vol. 54.